

Вид с горы на исток Ангары. 1956 г.

Помню, что в детстве меня удивила эта легенда, я её не совсем понимала и принимала. Когда я смотрела на исток, не могла представить Ангару в образе беглянки, напротив, она казалась мне очень медленной, нерасторопной, даже застывшей рекой. Гораздо легче было вообразить, что отец-Байкал провожает дочь в дальние края, а она из любви к нему медлит, не хочет уходить.

Позже мне стало известно, что Ангарка не всегда была такой, какой я её знаю. До строительства Иркутской ГЭС это была совсем другая река, очень быстрая, проворная. Шаман-камень, якобы брошенный Байкалом ей вслед, не торчал, как сейчас, серой невзрачной сиротливой макушкой, а предстал перед взором скалой, разрезающей бурлящие воды. На нём спокойно могли разместиться более десятка человек.

Люди, которым посчастливилось знать прежнюю реку, говорят о ней: «Ангара летела!» Образ летящей Ангары и открыл мне точный смысл легенды: ведь когда древний сочинитель слагал её, дочь от Байкала даже не убегала, а улетала...

Конечно, мне давно хотелось — да и сейчас хочется — посмотреть на прежнюю Ангару, никогда мной не виданную, стремительную, неудержимую, богатую, вольную. Но, увы, мечта эта неосуществима.

Года два назад мне захотелось написать очерк о старой Ангаре, и я взялась за дело: искала в интернете и библиотеках материал о затопленных ангарских землях, о переселённых с родных мест людях, о ставшей речным дном части Транссибирской магистрали Иркутск — станция Байкал; встречалась со старожилами; прошла, на-

Шаман-камень до образования Иркутского водохранилища.

Строительство плотины.

острова и берега. Смотрю, и оторопь берёт: сколько земли отдали мы за дешёвое электричество!..

50-е годы прошлого столетия стали для Ангары роковыми. Непроступная плотина отрезала реке путь, замедлила её течение, укротила непокорный нрав. И река поглотила свои берега... Байкал Шаман-камнем не остановил прыть дочери Ангары, а человек громадиной-плотиной остановил.

В 1958 году Иркутская ГЭС заработала на полную мощность. Академик Глеб Максимилианович Кржижановский, один из авторов известного плана ГОЭЛРО, поздравил гидростроителей телеграммой: «Пуск Иркутской ГЭС — большой праздник для советской энергетики. Иркутская ГЭС открыла новую главу в развитии электрификации страны». Приветственную телеграмму отправил и академик Александр Васильевич Винтер: «Осуществилась давнишняя мечта советских инженеров: Байкал и Ангара — это сибирское чудо, эта жемчужина советской гидроэнергетики работают для народа».

Выходит, что с незапамятных времён Байкал и Ангара лодырничали? И только благодаря стараниям советских инженеров они оказались «при делах», начали служить народу, стали давать на всю катушку электроэнергию?

Конечно, было непростым делом возвести «жемчужину советской гидроэнергетики». Только жемчужину ли? Разве можно назвать жемчужиной монолитную серую громаду плотины, перекрывающую вольную реку? А вот прекрасные Ангара и Байкал — истинные, дарованные небом, жемчужины Земли нашей. Так почему святой Байкал и дочь его Ангара, изобилующие богатствами, основным из которых была и остаётся пресная вода, должны «работать на народ»? Вот народ должен беречь их как зеницу ока.

Что же стало с Байкалом и Ангарой после этого события, считавшегося в то время одним из самых грандиозных?

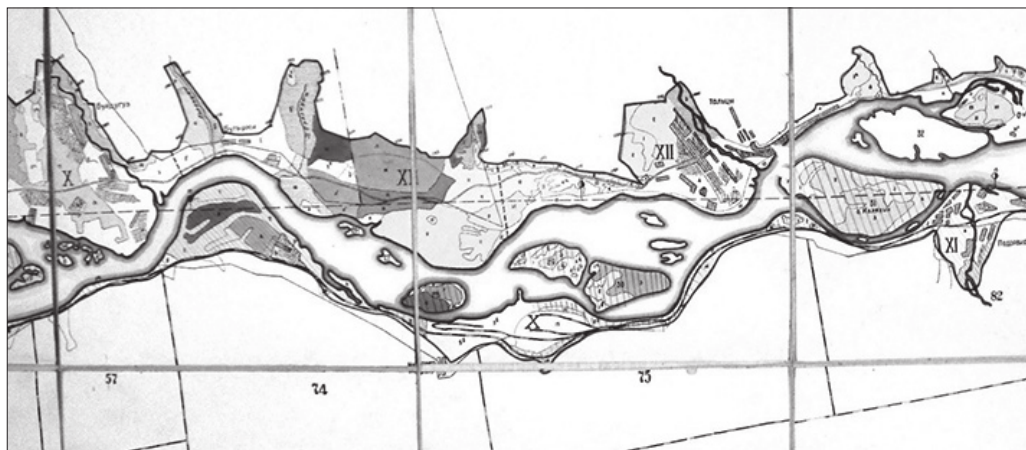
Семь лет заполнялось Иркутское водохранилище, в результате чего повысился уровень не только Ангары, но и Байкала, что нанесло ущерб фауне, а значит и рыбному хозяйству. Долина Ангары превратилась в залив Байкала, а Байкал стал главной регулирующей частью водохранилища. В результате грандиозного строительства было затоплено и подтоплено около 139 тысяч гектаров территории, в том числе около 40 тысяч сельскохозяйственных угодий. В зону влияния Иркутского водохранилища попали более двухсот населённых пунктов, 17 тысяч человек было переселено. Был затоплен участок шоссе Иркутск — Листвянка. Затопили и участок Кругобайкальской железной дороги от Иркутска до станции Байкал. Взамен была построена новая линия Иркутск — Слюдянка.

сколько позволял путь, вдоль берега из порта Байкал в сторону Большой Речки; проплыла на лодке вдоль части левого берега. Сама работа была для меня очень значимой, полной интересных открытий, а потому и о ней хочу немного рассказать в очерке.

Как-то в интернете открыла спутниковую карту Ангары и поразилась: с высоты видно и новое русло, рукотворное, и старое, природное. Зеленоватыми призраками тускло мерцают сквозь синеву затопленные

Нашла статью «Дочь Байкала в опасности!», опубликованную в иркутской газете «Советская молодёжь» ещё в феврале 1989 года. Её автор Георгий Иванович Горохов, бывший старший инспектор госрыбнадзора по Иркутской области, говорит об опасности, в которой находится Ангара, о том, какой она была раньше, до вмешательства человека в её бурное течение, и во что превратили сейчас сибирскую реку-красавицу, когда-то несшую на север чистую и вкусную воду. Георгий Иванович тоже вспоминает легенду о том, как Ангара убежала от Байкала к жениху Енисею. Он с болью говорит: «Ну а теперь она, наверное, тысячу раз покаялась, что убежала от Байкала, не зная, что будет загрязнена и перестанет быть красавицей, а превратится, по существу, в большую сточную канаву». Бывший инспектор сожалеет, что река от Байкала до плотины исчезла на протяжении 66 километров. При этом потеряли чистую воду, плодородные земли, ягодные и грибные места, массу лесов, много красивых островов: Кузьминский, Елизовский, Берёзовый, Смажиха, Неводничий, Сохатиный, Бродной, Ершовский, Крыжановский, Барабаниха, Зимовейные, Шукинский, Грудининский, Михалёвский, Долгий, Коноваловский, Варакинский, Каляпин, Сизовский, Сосновый. На островах Михалёвский, Коноваловский, Варакинский зеленели сосновые леса. В них водились тетерева и зайцы, а на заливах островов — болотная дичь. Остров Сосновый, что находился в семи километрах от Байкала, был заповедным, на нём росли сосны, кедры, черёмуха.

Теперь чудесное богатство уничтожено, а острова, бывшие его источником, стали дном.

Кусочек карты старой Ангары с островами.

С большим сожалением говорит Георгий Иванович о том, сколько рыбы было потеряно из-за ГЭС: «В Иркутском водохранилище ценные породы рыб, такие, как хариус, ленок, таймень почти исчезли, а сорняки — щука, сорога, окунь водятся в незначительном количестве. Такая ценная рыба, как лещ, которого мне довелось выпускать в Иркутском море, будучи старшим инспектором госрыбнадзора по Иркутской области, тоже встречается редко, во всяком случае, иркутяне не видят его на столе! Вот и создается впечатление, что Иркутское море — просто бочка с водой».

В 1955 году в газете «Восточно-Сибирская правда» известный иркутский журналист Виктор Маккавеев написал о том, как ехал по знакомым местам, которых уже коснулась вода: «Мы проезжаем по ложу будущего Иркутского моря. Как всё

здесь изменилось! Давно ли, казалось, в этих местах — в долине верховьев Ангары — шумели леса, буйно росли кустарники и на каждом шагу попадались следы человеческого жилья. Теперь это огромная площадь, вытянувшаяся от города до истока Ангары. Там, где были когда-то сёла, шумела жизнь, — тихо. Как будто огромный уют прошёлся по оборкам платья и расправил все неровности, шероховатости, все ненужные морщины... Большой Разводной мы не увидели. Две избушки подслеповатыми глазками окон провожали проходящую машину. А ведь совсем недавно здесь стояло около 250 зданий личного и общественного пользования. Шукино, Патроны, Бурдугуз, Бутырки, Пашки, Тальцы, Ерши, Михалёво, Грудиново и много других сёл... Теперь этих населённых пунктов или нет совсем, или о них напоминают 1-2 домика, которые в эти дни также будут перевезены на новое место...»

Иркутская ГЭС была лишь первым этапом в строительстве каскадов электростанций на Ангаре. Вскоре после неё были построены Братская и Усть-Илимская ГЭС, что повлекло затопление гораздо больших территорий. В рассказе Валентина Григорьевича Распутина «В непогоду», в котором писатель повествует о своём отдыхе в санатории посёлка Листвянка, расположенном у истока, есть горькие строки: «Ангара видна была недалеко до первого и близкого поворота вправо, и только здесь она ещё и оставалась Ангарой в своей дивной красе и своих родных берегах. А уже через пятнадцать-двадцать километров и не налюбуйешься ею: распухнет, завязнет в водохранилище, сначала в одном, затем в другом, третьем — и так до самого конца...»

Затопление коснулось родной деревни Распутина Аталанки и великой болью отозвалось в душе писателя. Увиденное и пережитое воплотилось в Книге книг — «Прощание с Матёрой». Вот как Валентин Григорьевич говорит о милой сердцу природе, о размеренной жизни острова, который вскоре исчезнет с лица Земли: «Остров продолжал жить своей обычной и урочной жизнью: поднимались хлеба и травы, вытягивались в землю корни и отрастали на деревьях листья; пахло отцветающей черёмухой и влажным зноем зелени; шепотливо клонились к воде по правому берегу кусты; вели охоту ночные зверьки и птицы. Остров собирался жить долго...»

Ни звери, ни птицы, ни растения не знали, что дни острова сочтены. А люди знали: жизнь родной земли заканчивается. И перевозили на новое место свои дома. Тем временем в зоне затопления спешно пилили лес. Земля становилась безликой, лысела, пустела. Вскоре жителям пришлось простаться с горящей мельницей, издавна кормившей их хлебом; с «царственным лиственцем», который не одолели ни топор, ни пила, ни огонь; оплакивать свои дома, свою дорогую Матёру...

Но вернёмся к Иркутской ГЭС. Первыми захлебнулись в водах Ангары деревни и заимки, лежащие от Иркутска до Байкала: Малая и Большая Разводные, Шукино, Патроны, Михалёво, Грудиново, Подорвиха, Бурдугуз, Бутырки, Бурдаковка, Пашки, Тальцы, Большая Речка... От многих давно остались лишь одни названия, да и то почти забытые. Роскошные, живописные места ушли под воду. Печальна участь плодородной земли, навеки лишённой возможности давать урожай и видеть солнце!

У деревень и заимок, разбросанных по Ангаре, была богатая история, долгая жизнь (у некоторых почти трёхсотлетняя!), судьба их была нелёгкой, как и судьба страны, с которой жители этих мест были вместе и в радости, и в горе. Люди здесь жили трудом, держали домашний скот и птицу, занимались огородничеством, сбором ягод и грибов, рыбной ловлей и охотой, сплавливали лес.

Под Иркутском на правом берегу были затоплены две деревни: Малая и Большая Разводные. Они находились недалеко друг от друга. По архивной справке, их прародительница, заимка Разводная, была основана переселенцами из Москвы в 1664 году.

В Большой Разводной дома были добротными, с зелёными насаждениями, в деревне была красивая кирпичная школа. Жители получали богатые урожаи овощей, имевшие большой спрос в городе.

Малая Разводная была небольшой деревенькой. Известна она прежде всего тем, что в ней жили ссыльные декабристы: Алексей Юшневский, Артамон Муравьев и братья Борисовы, Пётр и Андрей. Жизнь их в Сибири была нелёгкой, никто из них не вернулся на родину, все остались в Сибири навеки.

Известна Малая Разводная ещё и тем, что здесь учился и жил у своих замечательных учителей-декабристов Николай Андреевич Белоголовый — врач, считавшийся одним из самых лучших терапевтов своего времени, общественный деятель, писатель, публицист. Он был другом Некрасова, Салтыкова-Щедрина, Тургенева, Герцена, Огарёва. Он оставил воспоминания о русских писателях, о враче Сергее Петровиче Боткине, о Сибири, об Иркутске. Яркие детские впечатления, полученные от общения с декабристами, подтолкнули его к написанию книги об этих «таинственных людях», которые вызвали в его детском восприимчивом сердце уважение, и уважение это со временем только росло и крепло.

Николай Андреевич Белоголовый.

Вот как написал Николай Андреевич о своей первой поездке в Малую Разводную, куда отец повёз его на обучение и воспитание к декабристу Алексею Петровичу Юшневскому: «Деревушка Малая Разводная лежит всего в 5 верстах от Иркутска, причем дорога вначале версты три идет по Забайкальскому тракту, а потом сворачивает вправо по узкому проселку, поросшему по бокам молодым корявым березняком, и приводит к названной деревушке, заключавшей в себе тогда домов 25 или 30. Мы миновали несколько вытянутых в улицу крестьянских домов и подъехали к тесовым воротам, а через них попали в довольно обширный двор, среди которого стоял небольшой одноэтажный домик Юшневских, обращенный главным фасадом на Ангару, протекавшую под кру-

тым обрывом, на котором была раскинута деревушка».

На этом же дворе увидел Николай и небольшую крестьянскую избу, в которой жили братья Борисовы. А в соседнем доме с мезонином, прилегающем к двору Юшневского, жил декабрист Артамон Захарович Муравьев, у которого, по словам Белоголового, Юшневские и жили первое время во флигеле, пока не обзавелись своим жильём.

Ученики из Иркутска, Белоголовый и Анкудинов, быстро привыкли к новому месту, прониклись симпатией и даже привязались к своему учителю «со всею го-

рчностью детского возраста». Николай писал: «...Юшневский нам imponировал своим обширным умом и сдержанностью, и мы питали к нему благоговейное уважение, не лишенное некоторого трепета». Алексей Петрович, по словам Белоголового, был очень хорошим музыкантом, и был бы одним из лучших учителей для фортепиано в Иркутске, но, к сожалению, музыке в сибирском городе в те времена детей учить не стремились. А, следовательно, талант не мог прокормить учителя.

О музыкальном таланте Юшневского говорят и декабристы, отбывавшие ссылку в Читинском остроге и Петровском заводе (сначала Алексей Петрович отбывал наказание там). Декабристы, люди образованные и талантливые, остро нуждались в духовной пище, они изучали языки, читали книги, рисовали, устраивали небольшие концерты. Андрей Евгеньевич Розен так сказал о товарищах-музыкантах: «Ватковский превосходно играл на скрипке, Свистунов на виолончели; на рояли играл Юшневский с такою беглостью, что чем труднее были ноты, тем приятнее для него, так что он радовался тем нотам, от коих трещали его пальцы, он также играл и на скрипке; вместе со Свистуновым, Вадковским, Крюковым составляли отличный квартет, который 30 августа, когда у нас было шестнадцать именинников, в первый раз играл для всех нас в большом остроге, где... взгромоздили кровати, очистили комнату для помещения оркестра и слушателей».

Когда Юшневские стали жить на поселении в Иркутской области, частые болезни жены и другие жизненные испытания отдалили Алексея Петровича от музыки, которая для него была лучшим наслаждением. Но иногда он всё же играл и учил играть на фортепиано местных жителей. У них этот благородный стойкий человек пользовался большим уважением, впрочем, как и у всех, кто его знал. Розен говорил о нём с уважением и симпатией: «Большие достоинства имел Алексей Петрович Юшневский, бывший генерал-интендант 2-й армии. Он был стоик во всём смысле слова, с твёрдыми правилами; умом и сердцем любил своё отечество и без малейшего ропота переносил все испытания и лишения. Казалось, что он даже вызывал их на себя, чтобы доказать, что он готов переносить и больше и не жалеет никаких жертвований».

Юшневскому повезло в ссылке больше, нежели другим декабристам, жившим по соседству. С ним рядом была жена Мария Казимировна, которая делила с ним тяготы ссылки и своим присутствием скрашивала его однообразную жизнь.

Вечерами Алексей Петрович и Мария Казимировна писали письма родственникам и друзьям. Одним из самых частых адресатов был отбывающий ссылку в Забайкалье Иван Пущин, которого Александр Сергеевич Пушкин назвал в стихах своим первым бесценным другом.

Алексей Петрович первым из декабристов Малой Разводной ушёл из этого мира. Ушёл внезапно. Во время отпевания декабриста Фёдора Фёдоровича Вадковского в церкви посёлка Оёк у Юшневского случился апоплексический удар, и он умер мгновенно. Ученики долго горевали о смерти учителя, к которому успели привязаться. Мария Казимировна так сильно страдала, что друзья боялись за её жизнь. Но она выдержала и после смерти мужа одиннадцать лет одиноко жила в Малой Разводной, а потом покинула Сибирь.

Артамон Захарович Муравьёв прошёл всю войну 1812 года, был храбрым воином и за заслуги в боях награждён орденами. Но после восстания декабристов перешёл в разряд врагов Отечества. Николай I потребовал его на личный допрос, откуда он был возвращён с предписанием «присылаемого злодея Муравьева Артамона заковать и содержать как наистроже». Долгие годы провёл декабрист в

Забайкалье и Иркутской области. Вот какой портрет Артамона Захаровича Муравьёва даёт в очерке Белоголовый: «Это был чрезвычайно тучный и необыкновенно веселый и добродушный человек; смеющиеся глаза его так и прыгали, а раскатистый, заразительный хохот постоянно наполнял его небольшой домик... Его все любили за беззаветную и деятельную доброту; он не только платонически сочувствовал всякой чужой беде, а делал все возможное, чтобы помочь ей; в нашей деревушке он скоро сделался общим благодетелем, потому что, претендуя на знание медицины, он разыскивал сам больных мужиков и лечил их, помогая им не только лекарствами, но и пищею, деньгами — всем, чем только мог. Между прочим он изучил и зубоврачебное искусство и мастерски рвал зубы, что я имел случай лично испытать впоследствии на себе, когда мне было лет около 11. И замечательно, его необычайная тучность не делала его ни апатичным, ни мало-подвижным...»

Жена Артамона Захаровича в Сибирь не приехала, и декабрист был рад тому, что нужен простым сибирякам и друзьям по ссылке, что здесь, в глухом краю, пригодилось его знание медицины.

Впоследствии Муравьёв, по словам Белоголового, переселился в Большую Разводную, лежащую в пяти верстах выше по Ангаре. Этот прекрасный человек тоже ушёл из жизни скоропостижно.

О Петре Борисове Белоголовый сказал: «Петр Иванович был необыкновенно кроткое и скромное существо; он был невысокого роста, очень худошав; я до сих пор не могу позабыть его больших вдумчивых глаз, искрившихся безграничной добротой и прямотушием, его нежной, привлекательной улыбки и тихой его речи... Глубоко засевшая грусть лежала на всём его существе... Он нас увлекал большою своей страстью к природе и к естественным наукам, которые изучил недурно, особенно растительное и пернатое царства Сибири; рисовал же он птиц и животных с замечательным мастерством. По окончании уроков он, если день был хороший, тотчас же брал нас с собой на прогулку в лес, и для нас это составляло великое удовольствие... В жилище Борисова нас всегда манила собранная им небольшая коллекция сибирских птиц и мелких животных, а также великое множество его собственных рисунков, за работой которых он просиживал все часы своих досугов. В этой страсти он находил для себя источник труда и наслаждения в своей однообразной и беспросветной жизни...»

Борисов восхищался богатой природой Сибири, она вдохновляла его на творчество, о котором он писал своим сёстрам с большой скромностью: «...Чтобы дать Вам идею о красоте сибирских цветов, я пришлю Вам два букета своей работы, но заранее предупреждаю Вас, что это будет слабая копия богатых сибирских оригиналов. Красоты их форм и живость их колорита отказывается выразить бедная моя кисть».

Забайкальская и сибирская природа влекла декабриста, и он очень много её рисовал, рисовал то, что видел вокруг: цветы, птиц, бабочек. Картины его чудесны, от них трудно отвести взгляд. Так живописать природу мог только человек, глубоко любящий и чувствующий её. Декабристы высоко ценили талант Борисова. В их кругу сложилась легенда о том, что и умер он, рисуя цветы.

Пётр Борисов не только изображал природу, он изучал её, и написал большую работу «Орнитологическая фауна Восточной Сибири», в которой содержатся точные описания птиц, говорится о их породах, образе жизни, повадках, приводятся интересные поэтические и философские рассуждения.

Пётр Иванович жил вместе с братом Андреем Ивановичем, жили они в Малой Разводной с 1841 по 1854 годы. Из переписки с сестрой Анной явствует, что у них сначала не было даже своего жилья, но со временем им удалось построить домик. Вот что сказал о трудностях их жизни в деревне Николай Белоголовый: «Из России они ни от кого помощи не получали и жили скудно на пособие от товарищей-декабристов; кроме того, Пётр Иванович зарабатывал ничтожные крохи рисованием животных, птиц и насекомых и был в этом искусстве, не находившем в то время почти никакого спроса в России, тонким мастером. Андрей Иванович тоже не оставался без дела: он научился переплетному ремеслу и имел небольшой заработок».

К несчастью, у Андрея Ивановича в ссылке развилась психическая болезнь, и он чуждался посторонних людей и мог свободно разговаривать только с братом. Когда Пётр узнал о смерти родителей и сестры, то Андрею об этом не сказал, боясь за его состояние, и переживал удары судьбы один. Братья были очень привязаны друг к другу. Они звали жить в Сибирь свою сестру Анну, которая осталась совсем одна. Вот отрывок из письма Петра Ивановича, отправленного из Малой Разводной: «У тебя есть еще братья. Они любят тебя, как любили прежде, их мысли беспрестанно обращены к тебе. Если бы нам можно было увидеться, если бы можно жить вместе, то здесь в ссылке половина наших горестей была бы забыта нами, половина несчастий уничтожена».

30 сентября 1954 года Пётр Иванович скончался. Брат не перенёс его смерти, он покончил с собой. Все четверо декабристов были похоронены на кладбище села Большая Разводная, за церковной оградой Больше-Разводнинского храма. Там они покоились до затопления. Могилы Юшневского и Муравьёва были перенесены на Лисихинское кладбище Иркутска. Где находятся могилы братьев Борисовых и есть ли они, неизвестно. Либо их останки перезахоронили в братской могиле, либо они навсегда остались на дне Иркутского водохранилища...

Радует, что декабрист Пётр Борисов не забыт. В 1978 году в издательстве «Искусство» вышла книга акварелей Петра Ивановича. Её давно нет в продаже, но один из читателей всё же выложил в интернет рисунки декабриста, и это даёт возможность их увидеть.

На живописном заливе находилась деревня Щукино. Она появилась ещё в третьей четверти XVII века, её основателем стал Григорий Щукин, пришедший сюда с севера в 1669 году. Люди здесь в основном занимались выращиванием овощей и кролиководством. В деревне был свой, правда, единственный, продуктовый магазин. Была и школа. По берегу Ангары шла дорога в город, до которого даже по тем меркам было неблизко. Транспорта в то время не было, и в Иркутск жители деревни ходили редко.

Щукино, как и большинство населённых пунктов Байкальского тракта, стало речным дном. Перед затоплением людей переселили в другие места. Им не хотелось переселяться, но согласия никто не спрашивал.

Иркутянка Любовь Николаевна Кокоурова сказала о затоплении деревни: «Со стороны Байкальского тракта в зону затопления попала и родная деревня моей мамы — Щукино. Жителей расселяли по другим деревням: Новая Лисиха, Большая Речка, Новая Разводная, а кто-то и в город поехал... Помню, бабушка с дедом очень тосковали по родным местам, по тайге и реке (жили этим) и что не могут на могилки к своим предкам сходить, насколько я поняла, все уплыло...»

Семья Аверковых, деда и бабушки Любови Николаевны, была многодетной: они растили сына и пять дочерей. Павел Гаврилович был человеком добрым, весёлым, был балагуром и любил травить рыбацьи и охотничьи байки. Всех внучек встречал словами: «Ой ты, моя голубушка!» Ходил он в ичихах, ватных стёганных штанах, тулупе, опоясанном длиннющим кушаком, и в папаче. «Всё было такое мягкое, тёплое, уютное!» — пишет Любовь. А бабушку она запомнила серьёзной: «Бабушка была строгая, соблюдала посты, пила чай с молоком из самовара из блюдца вприкуску с комковым сахаром (это был целый ритуал!)»

По словам внучки, дед долго добивался бабушку и до конца жизни объяснялся ей в любви.

Павел Гаврилович и Варвара Андриановна Аверковы с детьми.

В те нелёгкие времена Аверковы не знали, что такое голод, потому что все в этой дружной, крепкой семье много работали: собирали ягоды и грибы, ловили рыбу, вели хозяйство, а излишки продавали на Иркутском рынке. Дедушка Любови Кокоуровой больше всего времени отдавал охоте и рыбалке. Как-то во время охоты Павел Гаврилович пострадал от разорвавшегося пороха. Взрывом повредило руку, и она перестала сгибаться в кисти. Но продолжал трудиться. Бабушка была не только работающей, но и храброй, даже ходила с мужем на медведя. В семье всегда был лад. Когда дети выросли и жили самостоятельно, родителей не забывали, помогали им в работе, ходили друг к другу в гости.

Великую Отечественную войну, самую кровопролитную из всех войн, Аверковы пережили без потерь. Павла Аверкова на войну не призвали, скорее всего, из-за возраста, на начало войны ему было 50 лет. А вот сын Константин воевал и (редкое счастье!) вернулся домой целым. Призывали ещё дочь Веру, но она до фронта не доехала — война закончилась.

Учиться грамоте бабушке и дедушке Любови Кокоуровой не довелось. А вот её маме повезло больше. Сначала Людмила Аверкова училась в Щукинской школе. О школе она дочери рассказывала мало. Но один случай из школьной жизни мамы Любовь Николаевна знает. Учитель как-то отправил Люду, тогда ещё маленькую девочку, в коридор посмотреть на часы и сказать ему, сколько сейчас времени. А она не умела определять время по часам. Но постеснялась сказать об этом учителю. Сходила в коридор, пришла и сказала: «Стрелка на стрелку залезла и не видно!»

Третий класс Шукинской школы. Фото 1938 г.

Сохранилось школьное фото 1938 года. На нём третий класс, в котором училась Людмила. Она сидит справа от учителя. Замечательное фото, теперь уже историческое. Всё было в Шукино: и уютные дома, и большие огороды, и богатый лес, и река, берущая начало в уникальном Байкале, и любимая школа, и симпатичные ребяташки, и серьёзный молодой мужчина, учитель начальных классов! А сейчас нет ничего. Нет и Шукино, будто никогда и не было!

После школы Людмила Аверкова окончила медицинское училище и всю жизнь проработала медсестрой в клинической больнице № 1 Иркутска и имела в трудовой книжке всего одну запись, хотя работать начала ещё студенткой в годы войны, лечила раненых: в здании больницы тогда был госпиталь. За доблестный труд Людмила Павловна награждена медалью и грамотами, ей было присвоено почётное звание «Ветеран труда».

Давно уже нет деда с бабушкой Любови Кокоуровой, нет её мамы, нет сестёр и брата. Уже из одиннадцати внуков Аверковых осталось всего четверо. Прошла целая эпоха, а Любови Николаевне кажется, что близкие люди жили ещё вчера. С теплом говорит она о своих родных людях: «Все были простые, но очень добрые и трудолюбивые! Вечная им память!»

Деревня Михалёво была на Ангаре истари, она всего на 20 лет моложе Иркутска.

Анисим Михалёв, казачий пятидесятник, открывший на территории Сибири много месторождений полезных ископаемых, нашёл здесь соляные источники и с братом Гавриилом основал деревеньку, в которой больше трёх веков жили потомки Михалёвых.

Немало повидало Михалёво за века: и освоение Сибири русскими поселенцами, и декабристские времена, и зарождение судоходства на Байкале. Своё второе рождение Михалёво получило с началом строительства Транссибирской магистрали. Деревня стала станцией. Много приезжих людей захотели здесь жить, этому способствовала и близость к Иркутску, из Михалёво можно было ходить в Иркутск на заработки. В окрестностях станции рубили лес и сплавляли в Иркутск по Ангаре. В Михалёво было три завода: два кирпичных и лесопильный. И жить бы да жить век за веком деревне, если бы не попала она в зону затопления Иркутского водохранилища. Прощавшись с малой родиной, жители переселились в города Иркутск и Шелехов и в посёлок Большой Луг, что располагается у новой ветки железной дороги.

В зону затопления попало и местное кладбище. Часть могил местные жители сами перенесли на новое кладбище. А когда они перевезли свои дома и уехали из насиженных мест, приехала бригада для перенесения оставшихся могил на другое место, выше по склону. Останки перезахоронили на территории заброшенного кирпичного завода в яме для выемки глины. Нагребли высокий холм, у подножия которого установили каменные надгробия с кладбища. Вот и всё: переселились и живые, и мёртвые. Можно землю топить...

Старая Ангара вблизи Иркутска.

Ниже по течению находилась старая деревня Грудиново, основанная переселенцами с Дона, а также из средней России. В ней насчитывалось около 50 дворов. Жители её поставляли на рынки Иркутска рыбу, которая в Ангаре была в изобилии. Грудиново было знаменито тем, что там был построен первый ангарский пароход «Николай I».

Вот как пишет о своей деревне Мефодий Иванович Грудинин: «Моей малой родиной была деревня Грудиново, находящаяся теперь на дне Иркутского водохранилища, примерно в 10-12 километрах на юго-восток от плотины Иркутской ГЭС. На дне водохранилища покоятся останки и близлежащих деревень, таких как Михалево, Патроны, Щукино, Ерши, Большая и Малая Разводная...».

Грудинин из Грудиново... В телефонном разговоре я спросила Мефодия Ивановича, которому шёл уже 92-й год, случайно ли совпали его фамилия и название деревни. Он сказал мне, что деревню называли так, потому что в ней многие жители носили фамилию Грудиновы, они были родственниками.

Мефодий Иванович — человек очень интересный, успевший в жизни сделать многое. Он доктор геолого-минералогических наук, профессор, геолог, научный сотрудник, преподаватель; у него более двух сотен научных отечественных и зарубежных публикаций в виде монографий, учебных пособий, а также статей в журналах и сборниках. Он исходил Сибирскую платформу, Восточный Саян, Прибайкальские и Забайкальские отроги Сихотэ-Алиня, Южный Урал, Малый Кавказ, Карелию, Кольский полуостров. Зная, что мало осталось людей, помнящих затопленные ангарские земли, и скоро их не останется вовсе, написал он для потомков книги. Книга «Варварин лесик» посвящена малой родине, затопленной деревне Грудиново, «Моя Иркутия» даёт видение автором истории родного края, книга «Мои воспоминания» содержит автобиографические материалы.

Мефодий Иванович очень рад, что детство его прошло в одном из прекраснейших мест: «Деревня Грудиново была сказочно хороша: красивейший уголок в пойме Ангары, расположенный на одном из её многочисленных островов... С весны деревня утопала в цветении черёмух и яблонь, а летом остров покрывался синевой голубики и кистями красной смородины... А какие вокруг деревни были тёплые и ласковые заливчики! Дно таких заливчиков было устлано мягкой травой — рай земной для ребятни! В протоках и на перекатах мы, ребятки, ловили бутылками через выбитое доньшко мелкую рыбёшку. И несмотря на то, что деревня была расположена вблизи областного центра, в её окрестных лесах в изобилии водились косули, кабаны, волки, медведи и другая всякая живность... Эти благодатные места имели свои прелести в любое время года. Осенью и весной пойма Ангары кишела от перелётных птиц, таких как утки, гуси, журавли, лебеди. Клёкот этого птичьего базара иногда продолжался несколько суток подряд — днём и ночью. Создавалось такое впечатление, что все птицы в весенне-осенний перелёт старались непременно побывать в наших местах».

По воспоминаниям Грудинина, жители любили свою деревню, на улицах и во дворах всегда было чисто. Жили согласно природе, прислушивались к ней. Прогноз погоды давался по народным приметам, в основном, по закату и восходу. Ангара была кормилицей. Рыбы было очень много, и ловили её сетями и неводом, а ловля удочкой считалась баловством и разрешалась только детям. Лес как могли охраняли от пожаров, а если пожары всё же случались, тушили сообща, ведь лес был жизнью всех жителей: он и кормил их, и согревал суровой сибирской зимой. Леса были в то время значительно богаче. Какого в них только зверья ни водилось! А сколько было ягод: голубики, смородины, брусники, сколько было грибов! Если после затопления сырые грузди стали редкостью, то раньше они были чуть ли не под каждой берёзой. Цветы, которые теперь занесены в Красную книгу, росли тогда в изобилии.

Поздней весной всех восхищал багульник, придававший окрестностям весенний праздничный вид. Привожу слова Мефодия Ивановича об этом красивейшем во время цветения кустарнике и о других сибирских цветах: «Должен сказать, что более всего в этих местах очень красиво было весной, когда расцветал багульник, а крутые склоны, покрытые этими кустарниковыми растениями иногда 2-3-метровой высоты, приобретали какой-то необычный, почти фантастический бледно-розовый оттенок. Взгляд от такого видения трудно было оторвать. В эту пору здесь было умиротворённо и, я бы сказал, благостно. В весенне-летнее время в наших краях всегда была уйма полевых цветов (жарки, колокольчики и многие другие и сейчас радуют глаз). Правда, некоторые из них вряд ли где-то встретишь, например, красные кукушкины сапожки, а тогда их было много, и эти редкие крупные цветы можно было найти без особого труда. Много меньше стало душистой жёлтой лилии. И, представьте себе, от этих благодатных, веками обжитых мест со своим немудрящим, но крайне необходимым в жизни скарбом надо было куда-то переезжать всем людям, проживавшим ранее в этих прекрасных незабвенных уголках нашей матушки-земли...»

Грудинин говорит, что переселение на новые места проходило как будто бы спокойно и организованно, и руководство Иркутского района принимало в нём непосредственное участие. Была оценочная комиссия, которая определяла стоимость каждого строения. Но что было делать тем, у кого стоимость жилья оказалась ниже, чем нужно было отдать за его перевоз на новое место? Мефодий Иванович пишет о том, как комиссия назначила смехотворную цену за дом одинокой вдове весьма преклонного возраста — 7500 рублей. На эти деньги пожилая женщина не смогла перевезти свой дом, и остаток жизни баба Пана — так звали женщину — вынуждена была жить у добрых знакомых, её приютила старшая сестра Мефодия Грудинина — Анна. Хорошо, что люди в те времена были отзывчивыми, чуткими к чужой беде.

Мефодий Иванович не может забыть родные места, ставшие ангарским дном. Ему очень жаль их, жаль старую Ангару. А к деревне Новогрудинино, возникшей взамен прежней, родной, у него чувств нет. Он говорит, что тоска у него не прошла, и от воспоминаний до сих пор щемит «под ложечкой»: «О старой деревне и нашем просторном доме я и сейчас тоскую. Тоскую по её окрестностям, по тем чистейшим берегам стремительной Ангары, по её многочисленным протокам и заводям. Деревня Новогрудинино меня почти не трогает, разве что только её окрестности, где проходили моё детство и отрочество. В основном же я отношусь к ней спокойно, если не сказать, прохладно. Во всяком случае, могу сказать однозначно — без особой любви и привязанности».

Мефодий Иванович Грудинин.

молода, ей шёл всего девятнадцатый год. Дома её ждали родители и жених Олег. И как же ей было не пойти! В темноте она преодолела шесть километров и приблизилась к мостику, до настила которого дошла вода. Анна смело его перешла и направилась к Грудинино, до которого было ещё около километра. Дорога оказалась затопленной, и девушке пришлось брести по пояс в снежно-ледяной жиже. А на улице январь, температура воздуха не выше 20 градусов. И всё же Анна, как сказал Мефодий Иванович, «добрела в прямом и переносном смысле» до деревни, потеряв по дороге часть одежды. И вот осталось преодолеть каких-то сто метров, противоположный берег с огоньками домов совсем рядом. Но девушку отделял от родного берега мощный ледяной поток. И тогда она стала звать на помощь свою тётю, маму Мефодия, — их дом был первым у реки. На её счастье одиннадцатилетний Мефодий вышел в это время из дома и, услышав крик, побежал домой. Всех подняли на ноги, нашли лодку, Анну перевезли и принесли домой. Одежду сняли с помощью горячей воды, и, закутав отважную путешественницу в тулуп и дав ей изрядную порцию спиртного, положили отогреваться на русскую печь. А через полчаса она упростила кого-то из молодёжи принести ей одежду и убежала на свидание к жениху!

Рассказ произвёл на меня неизгладимое впечатление. Вот это девушка! Вот это характер! Мефодий Грудинин в книге сказал, что Анна метко стреляла, с раннего детства и до старости часто занималась мужскими делами: косила траву, ходила на рыбалку и на охоту. Хочу добавить, что путешествие в ледяной воде домой случилось за год до войны. А то, что произошло потом, меня просто потрясло: Анна добровольно отправилась за своим женихом на фронт. Жениха убили в первые дни войны, Анна же прошла всю войну от Сталинграда через Украину, Румынию, Венгрию и закончила воевать в Австрии.

Рассказал Мефодий Иванович и о родственнике Павле Черкашине, сумевшем неразорвавшуюся ручную гранату, брошенную фашистами в окоп, швырнуть туда, откуда она прилетела. Об этом героическом поступке написала газета, вырезку из которой командование части отправило отцу, который был очень горд сыном.

В своём очерке Грудинин увлекательно рассказал о двоюродной сестре Анне, о тяжёлых испытаниях, выпавших на её долю, но не сломивших её. Он поведал интересный случай из её жизни, который сама Анна ничем особенным не считала. Сестра Мефодия жила в Грудинино, а работала продавцом в Михалёво, и домой приходила только на выходные: дорога была неблизкая. Однажды начало ледостава пришлось на выходной, когда Анне нужно было идти домой. В то время зимой при замерзании Ангары её уровень сильно поднимался, и вода затапливала дома и появлялась даже на улицах Иркутска. Грудинино располагалось на острове, на возвышении, и во время ледостава было окружено водой. В такие дни у жителей не было связи с миром. Но Анна была девушкой смелой, решительной, весёлой, к тому же, она была совсем мо-

Павел вернулся с фронта весь в орденах, но, к сожалению, изрядно покалеченным и ненамного пережил своего отца.

В Великую Отечественную войну из деревни погибло много мужчин, одних только Грудининых — восемнадцать. «Так что Грудиново свой гражданский долг выполнило сполна», — говорит Мефодий Иванович.

Вот таких интересных, крепких духом людей воспитали затопленные земли!

Ближайшим к деревне Грудиново населённым пунктом было селение с необычным названием Патроны. К сожалению, откуда пошло это название, сейчас никто не знает. Сельнице с односторонней улицей в 20–25 домов располагалось на правом берегу. Его жители также занимались сельским хозяйством, рыбной ловлей и охотой. И тоже любили малую родину. Давно уже старые Патроны оказались на дне, а взамен на другом, более высоком месте построены новые.

Деревня Пашки появилась в 1807 году. В 1909 году в ней было 19 дворов с населением в 76 человек. А в 1929 году деревня немного подросла, в ней было 26 дворов с населением в 118 человек. В советские времена в Пашках работал областной детский санаторий. В чудесном уголке природы с целебным воздухом дети отдыхали, поправляли своё здоровье. Недалеко от Пашков в конце 20-х годов прошлого столетия переселенцами с Украины была основана деревня Бурдаковка. Пашкам стало веселее. Жители двух соседних деревень, расположенных на берегу Ангары, затерянных среди таёжных просторов, знали друг друга, встречались, общались. В исторической справке говорится о том, как провожали на войну мужчин и парней из Пашков и Бурдаковки. С песнями под гармошки, со слезами проводили их до Ангары, а дальше их путь лежал к противоположному берегу, к железнодорожной станции, а затем в товарных вагонах поехали они через станцию Байкал к фронту. Кому-то не удалось вернуться на родину, а кому-то повезло.

Тяжело пришлось и женщинам. Не разгибая спины трудились они с утра и до ночи на полях, на скотном дворе. Летом ели хлеб с лебедой, варили суп из крапивы. Выручали коровы, не давала умереть с голоду ангарская земля, богатая ягодами, грибами, орехами, рыбой, земля, которой больше нет.

Богатейшей историей известно Тальцинское — большое селение, в котором были церковь, школа, магазины. Появилось Тальцинское, или Тальцинск, благодаря стекольному заводу, основанному в 1784 г. на реке Тальцинке учёным и путешественником Эриком Лаксманом и купцом Александром Барановым.

Селение Тальцинское.

Завод производил стекло, посуду (в том числе и аптекарскую), лампы, бусы. Изделия были высокого качества, не уступали английским. Эрик Лаксман, ученик Михаила Ломоносова, открыл новый способ получения стекла, он заменил один из главных ингредиентов стекольного процесса поташ, который получали при сжигании древесины, глауберовой солью. Его открытие привело к перевороту в мировой стекольной промышленности и способствовало сохранению лесов.

Почему именно здесь, в сибирской глуши, в 47 километрах от Иркутска, Лаксман построил стекольный завод? А потому что рядом был Байкал, где известный учёный и путешественник обнаружил большие запасы кварцевого песка и глауберовой соли.

В то время в Сибири было не более шести стекольных заводов, и изделия Тальцинского завода имели большой спрос. Благодаря этому предприятию жители Иркутска смогли заменить слюдяные окна на стекольные.

Завод был любимым детищем Лаксмана, и на закате своих дней учёный вспоминал о нём, затерянном среди прибайкальской тайги: «В этой мрачной пустыне я, между многими беспокойными часами, провел также и приятнейшие и научился познавать цену одинокой жизни. Здесь завод мой почти одиннадцать лет находился в непрерывной деятельности. Он единственный в Иркутской, Якутской и Охотской областях, которые отсюда получают изящные стекольные изделия...»

Более полутора веков существовал Тальцинский завод, ставший с годами промышленным комплексом. Разные хозяева у него были, множество людей прошло через него. К его полуторавековой истории, кроме Эрика Лаксмана и промышленника Александра Баранова, причастны многие иркутские купцы, среди которых выделяется имя Якова Солдатова. Этот увлечённый человек стремился расширить и усовершенствовать производство. При нём были открыты фаянсовая фабрика, а также суконное производство и лесопильня, созданные для нужд фабрики. Известен Тальцинский завод и тем, что здесь трудились декабристы Александр Николаевич Сутгоф, получивший место управляющего фабрикой, и Андрей Андреевич Быстрицкий, служивший надзирателем.

Тальцинский стекольный завод.

Были у завода за множество лет годы расцвета. Переживал он и довольно трудные времена. Но всё же переживал. А вот деяния рук человеческих пережить не смог.

В 1951 году директору Тальцинского предприятия был направлен документ

такого содержания: «Управление строительства сообщает, что для наполнения водохранилища Иркутской ГЭС установлен срок 1 декабря 1953 года. К этому сроку все строения и сооружения завода должны быть вынесены из зоны затопления силами и средствами вашего предприятия». Так печально заканчивалась история замечательного завода!

Иркутская ГЭС уничтожила и Тальцинское урочище, как говорят археологи, населенное с глубокой древности. В этом месте жили палеоазиатские племена. Первое документальное упоминание об этом появилось в середине XVIII века.

Недалеко от Тальцов на другом берегу между двумя красивейшими мысами уютно располагалась деревня Подорвиха, ныне не существующая. Но название сохранилось и по сей день, так называются падь, речка и залив, расположенные недалеко от истока Ангары, почти напротив посёлка Большая Речка. По воспоминаниям старожилов, в Подорвихе была своя школа. Здесь стояли крепкие дома с ухоженными огородами. Земля была плодородной. Заливные луга давали хороший урожай трав. И жители уезжать из Подорвихи не хотели. Когда их предупредили, чтобы они не садили весной картошку, они её всё же посадили. И как не посадить? Ведь надо было готовиться к зиме, а зимовать без картошки и других овощей трудно. Но собрать урожай не успели: среди картошки уже плавали рыбы. Многие не успели запастись и топливом. В общем, тягостных забот перед самым переселением хватало. А на новом месте надо было начинать жизнь с нуля, что было весьма непросто. Большинство переселенцев были людьми пожилого воз-

Прощание с Подорвихой.

раста. Люди ещё не отошли от войны, мало в каких семьях остались здоровые мужчины, в основном, вернулись калеки. Поэтому переезд на новые места лёг на плечи пожилого поколения тяжким бременем. Люди находились в великом напряжении, они забыли, что такое радость. Такое могут выдержать, наверное, только русские люди.

В 1951 году в Подорвихе родился знаменитый режиссёр Александр Сокуров. Его отец был военным, а недалеко от деревни стояла воинская часть, охранявшая японских военнопленных. И хотя Александру было всего четыре года, когда семья уехала из Подорвихи, ему тяжело оттого, что его родины попросту нет. И однажды, во время поездки в Иркутск, он смог лишь посмотреть с противоположного берега водохранилища на место, где когда-то жил, о котором и воспоминаний-то не осталось, кроме «необъяснимого чувства сказочности, чистоты и прозрачности всего вокруг». «Я, как птица на ветке, взлетел от затопленной земли: и вроде бы есть родина, а вроде — и нет...», — с горечью сказал он. И ещё одна горькая фраза была сказана тогда режиссёром: «Там, где я родился — вода, поэтому в некотором смысле я утопленник. Это сложное чувство, пронзительное. Чувствую, что по-настоящему лишился чего-то важного».

Наверное, есть люди, которым всё равно, где жить. Возможно, такие были и в Подорвихе, и они, уехав, её не вспоминали. И всё же многим было тяжело расставаться со своей землёй, которая кормила их, дарила красоту природы, стала своей.

Каждый человек, уехавший из родных мест, стремится их посетить. И такая возможность обычно есть. Люди приезжают в свои посёлки и города, заходят в свои дома, ступают по земле детства, прикасаются к цветам и деревьям, с наслаждением предаются воспоминаниям. Но люди, чью родину сделали дном, свою землю не увидят никогда.

Вспоминает иркутский экскурсовод Анна Бугаева: «Как-то привозила в Тальцы туристку из Москвы, которая родилась в Подорвихе. Ее отец этапировал японских военнопленных, как я поняла. И родилась она в Подорвихе. Показали ей это место. Как она искренне плакала! Ей говорили, что нет места, где она родилась. А вот оно!!! Никогда не забуду ее эмоций! Туристку звали Светлана. И вот стоим мы на берегу, и слезы у нее градом... Она еще на следующий год с мужем приезжала, нашли меня, чтоб по Иркутску погулять. Но потом потерялась... Туристов много за эти годы было, но такие случаи, как этот, не забудутся никогда».

Нашла в интернете пьесу иркутского писателя Игоря Славина «Войной изломанные судьбы» о пленных японцах, о военных людях и мирных жителях Подорвихи. С волнением её прочитала. Сколько судеб ломают войны! Не обходят они стороной ни один народ. Много хлебнули военного лиха и русские, и японцы. И за что им выпала такая судьба? Простые люди не хотят воевать, они хотят жить в мире, растить детей. Но войны вспыхивают одна за другой, и больше всего от них страдает простой человек.

В аннотации к пьесе «Войной изломанные судьбы» говорится: «Сентябрь 1946 года. Небольшая сибирская деревня на железной дороге у станции Подорвиха в 58 км к востоку от Иркутска. Здесь с октября 1945 года располагается лагерь 421-го отдельного рабочего батальона японских военнопленных. Пленные занимаются заготовкой и отгрузкой леса, который эшелонами идет на восстановление разрушенных городов на западе СССР. Иногда они погибают в результате несчастных случаев. И не только...»

Сюжет пьесы довольно прост. Японцы, измученные голодом и тяжёлой, изнурительной работой идут в лес хоронить соотечественников, убитых лесиной. Их сопровождают боец ВОХРа Гуринов и кладбищенский сторож Митрич. В лесу им встречается лесник дед Макар. У Митрича и деда Макара японцы вызывают сочувствие, а Гуринов видит в япошках (так он их называет) только врагов, которых надо истреблять. Между ними возникает горячий спор. Гуринов очень удивлён, узнав, что Митрич в прошлом был танкистом, воевал на Халхин-голе и лишился там руки, а дед Макар оказался участником японской войны 1904–1905 годов. И Гуринова, нигде не успевшего повоевать, больше всего удивляет, как люди, участники войны с японцами, могут им сочувствовать, ведь японцы русских не щадили. Дед Макар соглашается с Гуриновым, что японцы наших солдат с оружием не миловали, но утверждает, что к пленным японцы относились снисходительно, и к погибшему противнику уважение имели. И недоумевает: «Так же как нет в нас сострадания к поверженному противнику? Не по-божески это, не по-христиански...»

Пленники с уважением относятся к воинам-ветеранам, и ненавидят Гуринова. И всё же в конце пьесы, после долгих споров, после того как японский лекарь Фукудо, который считает своим призванием исцелять людей, вправляет Гуринову вывихнутую ногу, после того как другой японец приносит и отдаёт ему заряженный карабин, который боец ВОХРа уронил в яму, когда повредил ногу, отношение Гуринова к японским военнопленным меняется. Митрич этим очень доволен, он,

жестикую одной рукой, говорит: «Так ить если к человеку подход найдешь, ... объяснишь доходчиво... что к чему... он и поймет твою правду».

И завершается пьеса замечательным монологом Митрича — Николая Дмитриевича Тюгашина: «Любой войне сопутствуют грязь и кровь, боль и увечье, смерть ... и плен. Никто не знает наперед, какую судьбу ему уготовила война. Убьют ли его в первом же бою, или пройдет он десятки сражений без единой царапины. Вернется ли домой героем, увешанным орденами, или испытает горькую участь плена. Но, ...каждый солдат, выполнивший свой долг, достоин уважения... Каждый солдат».

Не всегда к японским военнопленным относились у нас участливо. И много их осталось навсегда лежать недалеко от Ангары, на возвышенных местах. Это уже потом, гораздо позднее, потеплели отношения между нашими народами, и в Иркутске появилась площадь российско-японской дружбы, одна из улиц получила название Канадзавы в честь японского города, ставшего побратимом Иркутска; были открыты российско-японские предприятия; заработали множество совместных программ в различных областях деятельности, был открыт Дом Дружбы и организован обмен делегациями.

Вспоминает экскурсовод Татьяна Шишкина: «Регулярно приезжали потомки японских военнопленных, были специально организованные туристические поездки для потомков тех, кто был в госпиталях и лагерях рядом с Иркутском. Одна группа была как раз та, чьи предки и работали в лагере на левом берегу Ангары, недалеко от Подорвихи. Неисповедимыми путями удалось найти человека, который знал это место и согласился моих туристов туда отвезти, просто посмотреть, что осталось. Поехали практически все, с сухим пайком вместо обеда. Остался один, с которым мы общались на понятном для нас обоим английском, у него предок лежал в госпитале, теперь это — в предместье Марата, отвезла его туда, и даже медсестру, теперь уже очень пожилую женщину, живущую недалеко от прежнего госпиталя, нашли. Лица этих «туристов» нельзя забыть! Люди приехали, чтобы вспомнить своих родных, даже не дети уже, а внуки или просто дальние родственники! И тех, то ездил в Подорвиху, ждали долго, задержали самолёт, приехали по пояс практически в болотной грязи, но счастливые оттого, что смогли увидеть место, где были их предки. Это — потомки военнопленных. А как должны ощущать это «затопление» те, для кого это были родная земля и родительский дом! Ломали через колено, ради «светлого будущего». Интересно, для кого оно наступило...»

Конечно, мне захотелось увидеть место, где стоял лагерь. Но поляна, где жили японцы, затеряна в глухой тайге, добраться до неё непросто. Пока мне попасть туда не удалось, но место бывшего лагеря я увидела на фотографиях. Выручили мои земляки, семья Морозовых, очень трудолюбивая и лёгкая на подъём семья. Они хорошо знают и ближние, и дальние леса, иногда бывают и на территории бывшего лагеря японцев. Морозов Алексей Петрович, глава семьи, сказал мне, что поляна, где стоял лагерь, находится километрах в десяти от бывшей Подорвихи. Сейчас там ничто не напоминает о японцах, кроме памятного знака на сосне. Алексей Петрович сказал, что его сыновья Дмитрий и Арсений сфотографировали знак. Я попросила Арсения дать мне это фото для очерка. Он просмотрел свой айфон, но снимка не нашёл. Тогда позвонили Дмитрию, студенту Академии гражданской защиты МЧС России в подмосковных Химках, и уже через две минуты три фотографии поляны были у меня на Байкале. Вот они, современные возможности! Раньше краеведы и писатели о таком и мечтать не могли.

Памятный знак на сосне на месте лагеря японских военнопленных.

Тёплым сентябрьским днём приехала я на Большую Речку, что находится почти напротив Подорвихи, для того, чтобы встретиться и поговорить с местным жителем Виктором Леонидовичем Давыдовым. Он в раннем детстве видел другую Ангару, настоящую. Только насколько хорошо он её помнит? Говорит, что хорошо. Встретились в школе, где он работает. Виктор Леонидович оказался ещё довольно молодым и крепким человеком. До Ангары было не совсем близко, и, шагая по дороге, мы начали разговаривать.

— Вы, наверное, уже многим рассказывали о прежней Ангаре? — поинтересовалась я.

— Никому не рассказывал, — ответил мой попутчик.

— Почему же?

— А никто и не спрашивал...

Виктор Леонидович сказал мне, что окончил Иркутский политех, и поинтересовался, где училась я. Узнав, что я филолог, заговорил о стихах.

— Я очень люблю стихи и много знаю наизусть, хотите что-нибудь расскажу.

— Конечно хочу!

— А давайте я вам первую главу из «Евгения Онегина» расскажу. Мы её в школе учили, до сих пор всю помню.

Он начал читать наизусть «Евгения Онегина», а я шла и радовалась, что «технарь», как он себя назвал, любит стихи и с детства помнит «Евгения Онегина». Память у него отличная, значит, и Ангару он помнит!

Незаметно, под чтение пушкинских строк, подошли мы к берегу. Вот и открылась взору сентябрьская река. День выдался чудесный: теплынь и тишина, изредка нарушаемая шуршанием падающих с деревьев листьев, отживших свой век. У синей воды лежат коровы. Напротив, на левом берегу видны горы, вдохновенно расписанные осенью.

У берега стоит деревянная горка. Она высока и стара, мы осторожно поднимаемся по лестнице вверх и смотрим на Ангару с высоты. От осенней красоты захватывает дух.

— Как называется вон та падь? — спросила я, глядя на разноцветные горы на противоположном берегу.

— Малолетка. В Малолетке до затопления жили в основном железнодорожники. А Большая Речка тогда была не на том месте, где сейчас. Она была вон там, — и он указал рукой на ангарские воды. — А там, где находятся коровы, проходил тракт. На месте новой Большой Речки стоял сосновый лес. Его перед затоплением вырубали и поставили дома. Тогда и наша семья на Большую Речку переехала. Раньше мы жили в нескольких километрах от Большой Речки. Дом наш стоял на берегу. Это место теперь под водой.

— Вы жалеете свой дом? — спросила я.

— Да, жалею. И старую Ангару жалею. Я и сейчас бы жил на прежнем месте

в своём доме. Хорошо там было. Только далеко было в школу ходить. Я на Большой Речке учился. А морозы тогда были не то, что сейчас, до пятидесяти градусов доходило. Но раньше ученики школу не пропускали, ходили в любую погоду. Поэтому наше поколение такое крепкое...

— А где была станция Подорвиха?

— Вон за тем мысом, — показал он на крутой мыс, расположенный правее Малолетки, примерно в километре от неё. — Теперь её нет, затоплена. Мы добирались туда, чтобы попасть на поезд, а попасть в Подорвиху с нашего берега можно было только на лодке. В Малолетке был перевозчик. Нужно было его покричать, и он приплывал на лодке. Пока лодка шла к нашему берегу, её сносило течением метров на 300. Перевозчик тянул её назад за верёвку, привязанную к луке.

— Какой вы запомнили прежнюю Ангару?

— Она была неглубокая и узкая. Можно было камень перебросить на другую сторону. Мы и перебрасывали. Ангара была стремительная, летела, как стрела. У Малолетки Ангара кипела. Здесь были буруны. Зимой реку можно было легко перейти. Вставала она в один день, со дна...

— Какая Ангара вам больше по душе, теперешняя или прежняя?

— Ангара моего детства...

Когда мы попрощались с собеседником, я отправилась прогуляться вдоль берега. Прошла мимо нескольких коттеджей, построенных здесь недавно, и подошла к сосновой роще, привольно раскинувшейся на взгорке. Столетние сосны и лиственницы уцелели во время многих потрясений, и сейчас им пока везёт, рощу не застраивают. Трудно приходится только тем деревьям, что растут у самого обрыва, их корни наполовину обнажены и, кажется, ещё чуть-чуть, и упадут они в ангарскую студёную водицу, разделив участь многих своих братьев, на жизнь которых покушается человек. Но они вцепились в землю частью своих корней и живут несмотря ни на что.

Гуляю по роще, вдыхаю приятный, живительный сосновый воздух. То поднимаюсь на горку и смотрю сверху на реку, частично скрытую деревьями, то спускаюсь к самому берегу. Фотографирую ангарские пейзажи. Задумчивые сосны и ласковое солнце делят рощу на светлые и темновые участки, и те, и другие прекрасны. Между тёмных стволов блещет серебро реки. Ноги с наслаждением ступают по мягкой земле, высланной хвоей. Щемит сердце оттого, что красота бабьего лета быстротечна.

Перед обратной дорогой сижу на камне у Ангары. У самого берега вода зеленоватая, в ней играют солнечные блики, временами ветерок вздымает рябь. Могучая река, присвоившая прибрежную землю, насытившаяся, течёт вальяжно, с ленцой. Какой Ангару задумал Бог? Какой она была? Я этого никогда не увижу. Я могу её только представить, вообразить её вольную красу... Как хорошо, что нам для улады сердца ещё осталась земная красота и чистота, осталась вот эта видимая мной осенняя прозрачная стеклянность воды и воздуха, остались кустики багульника, на которых кое-где по-весеннему распустились розовые цветы...

Возвратившись домой, открыла я спутниковую карту. Хотелось посмотреть, какую территорию затопили вблизи Большой Речки. На карте высветился большущий ломоть. Навеки отрезанный ломоть...

Как не сказать о Кругобайкальской железной дороге, ведь вся моя жизнь связана с ней?! Когда я родилась, она уже была тупиковой, оторванной от родимого Транссиба, однокольной, соединяющей станцию Байкал со Слюдянкой. А рань-

ше жителям посёлка Байкал участок дороги Иркутск — станция Байкал был хорошо знаком. Часто им доводилось ездить на поезде, который назывался «Ученик». В этот участок, крохотную часть Транссиба, было вложено много труда. Его строительство началось в 1896 году. За четыре года было построено около семидесяти километров железнодорожного полотна, тринадцать железных мостов, длиной от девяти и до шестидесяти четырёх метров, столько же каменных труб. В Михайлёво было семь путей, а в Подорвихе — четыре. Немало искусных сооружений: мостов, акведуков, опорных стенок — было создано с помощью примитивных орудий труда. Выделялся красотой двадцатиметровый железный мост, сооружённый над речкой Аланкой, протекающей недалеко от Подорвихи. Десятка два-три домов стояло в пади Малолетка, там жили железнодорожники. Встречались на дороге и одиночные домики рабочих. Были на участке в эти беспокойные времена и блок-посты...

День и ночь ревели на участке Иркутск — Байкал паровозы. Их любили встречать взрослые, а у местной детворы их появление вызывало восторг. Поезд от Иркутска шёл два часа. Прекрасен был ангарский путь. Поезда неслись вдоль крутых гор, внизу скалистых, выше заросших лесом, неслись по искусственной насыпи, возвышающейся над поймой Ангары и немного открывающей вид на неё. Путешественникам было на что посмотреть: бурные речки и ручьи, бегущие из живописных падей, быстрая синяя Ангара с богатыми живописными островами, заливами, протоками. Мелькали деревья и кустарники, оставались позади одиночные домики и деревеньки. Река представляла пред взором красавицей переменчивой. В начале пути она была спокойной и величавой, а чем далее, тем более она становилась быстрой, даже стремительной. А вдали был виден и манил кусочек Байкала с гольцами Хамар-Дабана на восточной стороне. И пассажиры, особенно ехавшие издалека, с нетерпением ждали, когда их поезд поедет вдоль Байкала.

Недолго жила дорога. Мосты, трубы, водостоки, разъезды — всё сооружалось на столетия, а прослужило чуть более полувека, пока в бурное течение Ангары не вмешался человек...

Последние поезда на Ангаре.

Вот ещё один старый снимок. На нём железная дорога у станции Байкал, к которой прибывает поезд с паровозом. Справа у истока Ангары стоит будка стрелочника. Слева — скала. Теперь, много десятилетий спустя, на фотографии представляет интерес всё: железная дорога, уходящая за

На этом снимке середины 50-х годов мчится вдоль Ангары, возможно, один из последних поездов, а фоном ему служит строящаяся плотина. И участь дороги, и судьба домов, что видны на фото, предрешена...

По всей видимости, немного осталось фотографий участка железной дороги Иркутск — Байкал. И всё же, они есть. И пусть они чёрно-белые, тёмные и не могут передать красоту ангарских мест, но представление о дороге дают.

Железная дорога у станции Байкал.

скальный поворот, люди, наверняка имеющие к ней отношение, будка стрелочника, исток Ангары, исчезающий за скалой, крутые горы на противоположной стороне реки.

На этом старинном фото, вероятно сделанном весной, видна одиночная колея дороги. Место это находится также недалеко от станции Байкал.

бывшая в этих краях, давно стала дном. Река нежится под ласковым солнцем, окрашивающим воду в зелёно-синие тона, проникающим в глубины и высвечивающим на видимом участке дна каждый камешек. А в глубине виднеется серая макушка одинокого Шаман-камня, на котором в давние времена шаманы совершали обряды и на его суд отдавали людей, подозреваемых в преступлении: продержится до утра — не виноват, упадёт в водовороты Ангары — виновен, туда и дорога...

А в советские времена чуть было не предрешили участь и самого Шаман-камня.

В великих головах, радеющих об экономии, родилась идея взорвать Шаман-камень, в результате чего уровень Байкала по расчётам претворявших абсурдное предложение в жизнь должен стать на 5–6 метров ниже существующего, а Иркутское водохранилище — заполниться раньше на два года. Идея исходила от Московского института гидроэнергетического проектирования и была озвучена главным инженером института Николаем Григоровичем. Двухлетняя экономия вскружила горячие умы. И ведущим учёным страны пришлось несколько лет доказывать, что эта авантюра приведёт не к экономии, а к непредсказуемым последствиям. Благодаря их стараниям мощнейший взрыв, запланированный на 1959 год, к счастью, не прогремел...

Кандидат исторических наук, краевед Алексей Васильевич Тиваненко так сказал о несостоявшемся взрыве в своей статье «Иркутская ГЭС — авантюра государственного масштаба»: «Невероятно, но в середине XX века находились люди, едва не разрушившие естественную преграду в истоке Ангары и тем самым чуть не наделавшие много непоправимых бед». Учёный называет исток Ангары гигантским каменным перекатом, основной преградой которого как раз и является Шаман-камень. Он говорит, что если бы раньше, до Иркутской ГЭС, встать на камни, то было хорошо видно, что уровень озера выше, чем в Ангаре за перекатом, видно, как «вода как бы выливается из краёв переполненной каменной чаши». Учёный пишет, что порог этот является естественным регулятором уровня Байкала, и благодаря ему всё живое в Байкале приспособилось к установленному природой распорядку. «Ведь даже в самое катастрофическое природное наводнение в 1931–1932 гг. уровень Байкала не вышел за его пределы благодаря регулирующей

Золотым сентябрьским утром отправляюсь пешком по левому берегу Ангары от истока в сторону Иркутска, чтобы посмотреть на остатки сооружений железной дороги. В самом разгаре благостные дни бабьего лета. Горы так хороши своим богатым лесным разноцветьем, что глаз не отвести! Отсюда в былые времена брали разгон поезда на Иркутск.

Знаю, что далеко уйти нельзя: меня ждёт всего километров семь пути, а дальше вода подходит прямо к скалам, и дорога, когда-то

роли естественного запора в истоке Ангары», — сказал он. А искусственное изменение природных условий грозит гибелью для многих организмов.

Алексей Васильевич говорит, что до образования Иркутского водохранилища перекал был переходим. Камни кое-где выходили на поверхность, и исток Ангары можно было свободно пересечь с берега на берег, перепрыгивая через расщелины. Но эта возможность, скорее всего, была лишь теоретической. Старожилы из порта Байкал утверждают, что перейти Ангару никто не решался, несмотря на небольшую глубину и ширину. Осмелившихся на переход ждала бы гибель: если сорваться с камня и упасть в воду, то выжить бы не удалось. У реки был строптивый, неистовый нрав. Её, вольную и дикую, нельзя было остановить, как нельзя остановить ветер, как нельзя поймать выпущенную стрелу.

Вспоминая прочитанное об истоке, размышляя, прохожу первую поселковую падь и старое лесничество, стоящее у самого берега, построенное из тех же камней, что и сооружения на Кругобайкалке. Вот и вторая падь посёлка остаётся позади.

Прекрасен исток. Здесь воедино слиты Байкал и Ангара, здесь они вечно прощаются и расстаются. Смотрю то на один берег, то на другой. Два берега одной реки — такие разные. Правый берег у истока относительно пологий. По нему пролегает Байкальский тракт, созданный в рекордно короткие сроки к приезду американского президента Эйзенхауэра. Удивительно: всё у нас могут сделать, если захотят. И обидно, что делаются большие дела зачастую к приезду высокого гостя. Великое множество людей десятки лет тряслись по рытвинам и ухабам, преодолевая путь в семьдесят километров. И власти это не беспокоило. А вот собрался приехать всего один человек, к тому же, иностранец, — и быстро, словно в сказке, готов для него тракт! Эйзенхауэр не приехал, а тракт существует. И теперь по правому берегу по хорошей дороге едут и местные жители, и туристы, от нескончаемого потока которых всегда шумно на правом берегу, в Листвянке.

Левый берег Ангары существенно отличается от правого. Он более крутой, более непокорный, более таинственный. Сейчас он доступен немногим, а потому задумчиво тих.

Но раньше, в первой половине XX века, когда существовала железная дорога, всё было наоборот: более шумным и бойким был левый берег...

Иду недалеко от воды. Прибрежная полоса ещё широкая, и дорога лежит ближе к горе метрах в десяти-двадцати от Ангары, которую временами закрывают деревья. Увидев через жёлтые ветви молоденьких лиственниц синеву воды, сворачиваю к реке и усаживаюсь на остатки то ли мостика, то ли акведука, сооружённого из прямоугольных, обработанных вручную камней, которые применялись на Кругобайкалке всюду. Течение в этом месте более быстрое, чем на истоке. Смотрю, как по реке плывёт катер, как по правому берегу движутся машины, а здесь, рядом со мной, тишь да благодать. Вокруг любимая природа: деревья в ярких нарядах, красота и застенчивость нетронутых цветущих трав, листочки-монетки под ногами, да подошедшая ко мне трёхцветная кошечка, которая, скорее всего, пришла сюда из деревни поохотиться...

На пути не раз встречаются остатки сооружений дороги. Останавливаюсь у бывшего железного моста, от которого теперь остались только каменные опоры. И они сооружены из тех же прямоугольных ровных камней, из которых сложены мосты и тоннели Кругобайкалки. Мост зарос высокой травой и колючими кустами. Спускаюсь вниз, насколько позволяет крутизна и густая растительность. Тро-

гаю прямоугольные тёмные камни, из которых более века назад был сложен мост, прикасаюсь к истории.

Вскоре дорога становится более узкой, горы всё сильнее теснят её к Ангаре. Река сужается и становится норовистой, наверное, почти как в былые времена. Никаких сооружений на берегу больше не нахожу, хотя иду долго. Вот и конец пути. Дальше хода нет: Ангара подошла к самой горе. Сейчас только три часа дня, правый берег всю купается в дневном солнце. А здесь, на левом, горы уже скрыли мощными спинами светило, сгущается сумрак, становится прохладно и даже страшновато. Надо возвращаться...

Через несколько дней после моего небольшого похода встретила я в Листвянке с бывалым моряком Иннокентием Михайловичем Моревым. Он видел, как по старой Ангаре ходили колёсные суда. Иннокентий Михайлович помнит и знает большой остров Сосновый, находившийся недалеко от истока напротив Ангарских Хуторов. Тот самый заповедный остров, о котором сказал в статье Георгий Иванович Горохов. Морев говорит, что на Сосновом стояли два дома, и что остров с сосновым бором был необыкновенно красив. Другие острова поблизости, как сказал бывший моряк, были без деревьев и служили покосами.

О затоплении прежней реки Морев сожалеет. Раньше, говорит он, в Листвянке все дома стояли на берегу Байкала, который до пуска плотины был шире, а не прятались, как сейчас, по распадкам. На истоке и в Листвянке уровень поднялся на полметра. От Техучастка, что находится примерно в километре от начала истока, уровень поднялся выше.

Старая Листвянка.

В порту Байкал трудился и уроженец Листвянки Георгий Васильевич Лазо, впрочем, как и многие жители Листвянки. Работы хватало на всех. Лазо, старейший работник порта Байкал, оставил свои воспоминания об истории порта. С большим удовольствием прочитала я его рукопись. Ходил он на разных судах, малых и больших, даже был капитаном на знаменитом ледоколе «Ангара». Вот какой он запомнил старую Листвянку, посёлок всей его жизни: «Вдоль берега Листвянки были построены ряжи, и дома стояли даже на ряжах и вдоль всей улицы, стояли дома с обеих сторон почти до самой Рогатки. Так и наш дом стоял наполовину на земле, наполовину на ряжах, и когда было большое волне-

Разную работу приходилось выполнять Иннокентию Михайловичу в своей жизни: делал он замеры уровня воды от истока до плотины, проверял бухты, находил мели, ставил бакены. Работал на многих судах порта Байкал и в том числе на пароходе «Комсомолец», известном многим людям страны и зарубежья по незабываемым байкальским круизам.

Георгий Васильевич Лазо.

ние, брызги летели прямо в окна, но зато в тихую погоду было хорошо любоваться Байкалом, бросать в него камушки, а в тёплую погоду бродить и купаться в нём».

Из рукописи Георгия Васильевича узнала подробности одного происшествия, о котором была наслышана ранее. Прежде чем о нём поведать, хочу сказать, что железная дорога, протянувшаяся по левому берегу, в первой половине XX века была, можно сказать, единственной нитью, связывающей Листвянку с Иркутском: то время в город можно было добраться только по железной дороге.

Попасть в порт через исток не всегда было делом простым. В тёплое время года на переправе был пароход «Трудящийся», он делал ежедневно три рейса. А когда Байкал замерзал, была ледовая дорога, на которой путников подстерегали опасности. Зимой на истоке нередки сильнейшие метели, густые туманы, в которых можно заблудиться и уйти в неведомом направлении. В 1940 году случилась трагедия, о которой и рассказано в воспоминаниях Георгия Лазо. 30 марта весь день шёл большой снег, а к вечеру подул сильный северо-западный ветер. Около десяти часов вечера пришёл на станцию Байкал поезд, на котором приехали пять женщин, жительниц Листвянки. Было холодно и метельно, видимости почти не было, но женщинам хотелось скорее попасть домой, и они спустились на лёд. Вначале они шли по вехам (ими были ёлки, выброшенные после новогодних праздников, их устанавливали на льду каждый год, чтобы они служили ориентирами людям в туманные и метельные дни, когда вокруг ничего не видно). Путницам идти было очень трудно, лёд был неоднородным: местами ветры выдули с него снег, и он был голым и гладким, а рядом со скользкими участками были высокие сугробы. Случилось так, что женщины потеряли вехи, сбились с пути и заблудились в байкальском снежно-ледовом морозном мире. Эта байкальская ночь была по-зимнему суровой, что бывает на Байкале ещё и в апреле...

Только утром 31 марта стало известно, что потерялись люди. Метель всё не прекращалась, видимости по-прежнему не было, и на поиски идти никто не решился, все сами боялись заблудиться.

И всё же семеро мужчин, работники порта (среди них был Георгий Лазо) и милиционер на лошадях отправились на поиски несчастных женщин. Держались они друг от друга в пределах видимости, которая была невелика, 40–50 метров, а при сильных порывах — не больше 20 метров. Проехав метров 600–700, наткнулись они на двух лежащих мёртвых женщин, мать и дочь. Лежали они вместе. Умирая, мать накрыла дочь шубой. Тут же были их вещи, и стояла бутылка водки, половина которой была израсходована. Женщины пытались согреться, но водка их не спасла.

Трое мужчин поехали вдоль берега со страшным грузом, а четверо продолжили тяжёлый путь против ветра по льду, копыта лошадей то скользили на глади льда, то увязали в снежных заносах. Минут через двадцать нашли ещё трёх мёртвых женщин, лежащих на небольшом расстоянии друг от друга. Все они были в синяках. «Наверное, не один раз падали на лёд и получали ушибы и синяки», — предположил Лазо. Вот так нелепо и страшно оборвались пять жизней.

Запоминающийся случай (о нём мне рассказала моя бывшая односельчанка Татьяна Гурина, слышавшая об этом от своего отца Василия Ивановича Барсукова) произошёл на дороге Иркутск — Байкал в 1956 году, то есть в последнее время существования дороги. В начале весны на горах образовывались большие снежные козырьки, с ними боролись. А в последний год борьбу прекратили. Поезда всё ещё шли по расписанию, и бригаду рабочих, где трудился Василий Иванович,

отправили расчищать пути. И надо же было такому случиться, что в тот момент, когда рабочие находились под козырьком из плотного снега, он обвалился и засыпал всех рабочих. На их счастье, между скалой и снегом осталось спасительное пространство, там был воздух. Нетрудно представить состояние людей, попавших в снежную ловушку. Холод, ограниченное количество воздуха, твердыня скалы с одной стороны, с другой — толстый слой снега, из-под которого самим не выбраться... Через какое-то время подошли два поезда. Один поезд был с Востока, на нём ехали демобилизованные моряки. Они были в парадной форме и тоненьких ботинках. Им пришлось долго откапывать рабочих, и моряки очень замёрзли. Они вызволили отца Татьяны и других путейцев из снежного плена, за что спасённые рабочие были им очень благодарны. Погибших тогда не было, но пять или шесть человек увезли в больницу. Среди рабочих была беременная женщина, во время схода козырька её откинуло и прижало к берёзе. Она осталась жива, а вот остался ли жив ребёнок, Василий Иванович не помнит.

Отец Татьяны был мне хорошо знаком по посёлку, но никогда я не слышала о страшной истории, в которую он попал на железной дороге между станцией Байкал и Подорвихой. И хорошо, что всё обошлось, и Василий Иванович, добрый, трудолюбивый человек, прекрасный семьянин, тогда остался жив, прожил большую жизнь и воспитал трёх дочерей, которые появились на свет уже после происшествия.

Василий Иванович Барсуков.

Однажды, просматривая в интернете то, что касается затопленного ангарского участка Транссиба, наткнулась на старое сообщение о крушении пассажирского поезда «Владивосток — Москва». В сообщении говорилось, что эта трагедия произошла 25 июня 1938 года на Ангаре, недалеко от станции Подорвиха. Я об этом происшествии никогда не слышала, и мне захотелось узнать подробности. Потратила много времени, но ничего определённого не нашла. Попалось ещё несколько заметок об этом поезде, которые меня только запутали: в одних говорилось, что ангарские воды сомкнулись над всем поездом, в других — что ушли под воду несколько вагонов, в двух говорилось, что трагедия произошла на Ангаре, в других, что это случилось на Байкале. Но везде сообщалось, что причиной несчастья стали долгие проливные дожди, обрушившиеся на юг Байкала. Желание узнать истину (в основном, выяснить, где же настоящее место крушения) было велико, но я понимала, что сделать это почти невозможно. Люди, которые жили в то время, в основном, ушли. Нет в живых и моей бабушки, которая наверняка об этом событии знала, так как в то время она заведовала буфетом на станции Байкал. Жалею, что ранее меня меньше интересовала история края, и я слушала только то, что бабушка мне рассказывала сама, а сколько интересного я могла бы от неё услышать, если бы тогда проявляла интерес к истории малой родины и задавала бы ей вопросы. А теперь поздно, наверное, не осталось никого, кто бы знал о поезде. И я потеряла надежду отыскать что-либо, касающееся этой истории. В тот момент я

и подумать не могла, что вскоре мне доведётся узнать не только о месте крушения, но даже и о некоторых пассажирах поезда, да ещё, можно сказать, из первых уст.

Однажды, когда я в очередной раз набрала в поисковике название потерпевшего крушение поезда, увидела, что о нём написан рассказ Анны Клабуновской «Как соединяются судьбы», выставленный на «Прозе.ру». Я зашла на страницу Анны и не пожалела, а, напротив, прочитав рассказ, который мне понравился, я была благодарна Анне за то, что она увлекательно написала о непростой истории двух людей, пассажиров поезда «Владивосток — Москва». И после прочтения я уже не сомневалась, что крушение произошло на Ангаре.

Анна рассказывает о супружеской паре, которую она не раз видела в детстве. Супруги бывали в гостях у её отца в Москве и запомнились автору рассказа тем, что были совершенно разными людьми. Вот как автор пишет о них: «Она — элегантная блондинка с ямочками на щеках — запомнилась мне в серо-голубом трикотажном платье с ниткой крупного жемчуга, кажется, ее звали Зоя... Помню ее красивый голос — меццо-сопрано, она пела романсы Вертинского и Глинки: «Я маленькая балерина, всегда мила, всегда нема...», «Я помню чудное мгновенье...». Ее муж был инженером, папиным сослуживцем, и папа его за глаза называл Чистов, а вот имени не припоминаю... Женька, что ли? Чистов был значительно старше жены, узколицый, невысокий, с большими залысинами, одет безупречно — серый костюм с искрой и галстук. Юморист и курильщик. Каждый сам по себе, они были очень самобытными и запоминающимися... Но, как пара — просто не состыковывались...» Однажды Анна спросила у родителей, как эти люди нашли друг друга. И отец рассказал ей историю их знакомства, которая потрясла её, и о которой она написала рассказ. И пусть Анна не знала точное время трагедии (в рассказе говорится, что история произошла в конце тридцатых или в начале сороковых годов, в конце августа, ранним утром), не знала точного места, где герои вышли из поезда и познакомились, но главное, что она воскресила событие, которое мало кому известно, и дала возможность читателю пережить его со своими героями...

Вот как, по словам Анны, произошла первая встреча Зои и Чистова. В поезде было душно, у Зои болит голова, и она выходит из вагона подышать воздухом, встречает у поезда курящего мужчину, то есть Чистова, и они разговаривают. Выясняется, что у Зои в поезде муж, родители и сестрёнка, а у Чистова жена и сын. Они не успевают на поезд, он отправляется, и на их глазах вагоны начинают сползать в Ангару, это произошло, как предположила Анна, из-за бесконечных дождей, которые «спровоцировали оползень набухших... грунтов». И двое людей остаются одни посреди рухнувшего мира, а потом идут по жизни вместе...

Многие события в рассказе даны как предположение. Анне хочется точнее сказать, где произошла встреча Зои и Чистова, и она, как и я, жалеет, что «спросить не у кого». И пусть рассказ не дал мне ответа на вопрос, ушёл ли под воду весь поезд, или только его часть, но фраза Чистова: «Давайте лучше с Ангарой и с Байкалом попрощаемся», — дала понять, что они находились на станции Байкал или рядом с ней, так как станция расположена на истоке Ангары, только здесь можно было видеть Байкал и Ангару одновременно, а значит, поезд пошёл к Иркутску, и вагоны сошли в Ангару, а не в Байкал. Незнание некоторых деталей не помешало Анне написать хороший рассказ, а художественный вымысел, наоборот, сделал его более интересным. Детали же необходимы в очерке. А я как раз задумала написать очерк, потому и пыталась найти материал, чтобы восстановить ход событий. А для того, чтобы его восстановить, надо было продолжать поиски.

Написав часть очерка и не найдя убедительных свидетельств крушения поезда, я на какое-то время работу забросила. И вот совсем недавно решила выложить в интернет пост об ушедшей на дно деревне Подорвихе, той самой, у которой, возможно, и потерпел крушение поезд «Владивосток — Москва».

Было приятно, что многие сибиряки откликнулись и с болью говорили о затопленных землях, к тому же, у многих родные прошли через этот кошмар. И вдруг... среди прочих откликов читаю такой: «Под Подорвихой 25.06.1938 года в результате обвала упали в Байкал последние 3 вагона поезда 41 «Владивосток — Москва». Моя мама стояла в тамбуре 2-го вагона. В своем дневнике она со слезами описывает произошедшую трагедию...» Отзыв написала иркутянка Альбина Александровна Кузнецова.

Неужели я нашла то, что искала?! Что может быть лучше дневников, написанных о далёком событии человеком, который был его участником?! Да, спросить не у кого, но ведь могли остаться записи очевидцев, и это я знала, да только есть ли они, и даже если есть, то найти их почти невозможно. Неужели повезло?! И так неожиданно! Всё же я понимала, что радость моя преждевременна. Захочет ли Альбина Александровна показать мне дневник мамы? Впрочем, я себя успокаивала: если не захочет, так хотя бы коротко перескажет содержание страниц, посвящённых трагедии. Я поблагодарила её за отклик и написала ей, что давно ищу информацию об этом поезде, хочу написать очерк, попросила помочь мне и дала адрес своей электронной почты. Она мне прислала письмо, в котором сообщила, что в дневнике много личного. Я сказала: «Пусть то, что касается Вашей семьи, останется личным, а я бы хотела знать, что говорит Ваша мама о крушении поезда». Альбина Александровна перепечатала для меня эти страницы и отправила их со словами: «Посылаю вам мои записи из родословной. Что-то всё равно будет вам полезно и интересно. Добавлю для понимания, что мама была молодой девушкой 25 лет, очень яркая, энергичная, жизнелюбивая личность, которую обожали братья и сёстры. Но она рано ушла из жизни, в 1948 году». В письме Альбина Александровна добавила, что её мама Анохина Полина Фёдоровна ехала в отпуск в Москву из Якутии. Она работала учительницей в посёлке Алдан, а в Москве жили два её брата и сестра.

Анохина Полина.

Получив страницы дневника, я немедленно с волнением погрузилась в чтение. «Дневники мамы, — начинала повествование Альбина Кузнецова, — дошли до меня в 2017 году, спустя 70 лет после её смерти. Спасибо тёте Лизе, которая хранила их, позабыв про них в конце концов и не сказав мне об этом. Спасибо Тане, которая не выбросила их «под запарку», продавая дачу». И я тоже сразу почувствовала благодарность к незнакомым мне людям: тёте Лизе и Тане. Какие они молодцы, что сохранили дневники!

А дальше меня ждал ещё один сюрприз: Анохина Полина Фёдоровна (далее я буду называть её Полиной, ведь ей на тот момент было 25 лет) оказалась прекрасной

рассказчицей! Вот как она начинает повествование о том страшном дне: «25 июня 1938 года. Особенно весело в вагоне сегодня. Наше купе в вагоне №2 отличалось своим весельем, песнями и частыми дискуссиями по жизненным вопросам. Кончив одну из подобных бесед, мы отправились в ресторан. За одним столом с нами сидит женщина с большими замечательными глазами, а рядом с ней мальчишка. Глаза у него по форме точно такие же, как и у матери, но в отличие от её желтоватых — чёрные-черные, а ресницы длинные. Мы невольно залюбовались этой семейной идиллией...». А вот впечатление от Байкала: «Из окон ресторана наблюдаем прекрасное «азиатское море» Байкал. Проезжаю здесь четвёртый раз, и с ещё большим восхищением смотрю на высокие, окутанные облаками берега, на зелёные верхушки высоких сосен на близлежащих сопках, на бурные волны. Вон... вдалеке из поднимающегося тумана выплывает шлюпка рыбаков, белые чайки шарахнулись от шума вагонов».

Далее Полина пишет, как продолжается этот день, расколовший судьбы людей и унёсший многие жизни: «Пришли из ресторана, у нас в купе готовы музыкальные инструменты, любители все в сборе. Играем «Полечку», «По военной дороге» с пением, «Если завтра война» и многое другое. Лейтенант Иван Васильевич предлагает сольное исполнение каждого из участников веселья. Боевой защитник Родины, боец Особой Дальневосточной открывает затеянное частушками «Паровоз пускает пар».

Так, в весёлом расположении духа, проехали они станцию Байкал и, оставив позади озеро-море, помчались вдоль Ангары к Иркутску. Вдруг Полина заметила, как по зелени сопки несётся водопад (скорее всего, он образовался от долгих обильных дождей). Водопад ей показался прекрасным, и она издала восторженный крик. Вся компания бросилась к окну и «все с жадностью впились взором в бархатистую зелень, принявшую на своё лоно пенящийся вал». И вдруг в это время, к удивлению пассажиров, поезд остановился. Полина сначала даже подумала, что машинист захотел полюбоваться чудесным зрелищем водопада. Но всех охватила тревога, и когда она и её попутчики выбежали из вагона, у паровоза уже стояла большая толпа. Они помчались туда. Оказалось, поезд был остановлен верстовым, так как впереди только что произошёл обвал и завалил железнодорожный путь, вывернув при этом рельсы. И если бы не дежурный, то, по словам Полины, поезд врезался бы «в разжиженную массу, в которой смешаны сейчас камни, берёзы и ели вверх корнями, обломки рельсов, телеграфные столбы». Далее Полина говорит о страхе людей, оказавшихся заложниками разъярённой стихии: «Впереди обвал, слева сопки, которые в любой момент поступят так же, как эта, а справа глубокая бурлящая Ангара». Пассажиры предложили машинисту ехать задним ходом к станции Байкал, от которой успели отъехать километров семь...»

Здесь я хочу немного остановиться. Подорвиха находится от станции Байкал в 14 километрах. Значит, обвал произошёл где-то на середине между станцией Байкал и Подорвихой. В семи километрах от станции Байкал как раз и располагался блок-пост, где дежурный и мог оповестить машиниста об обвале. Скорее всего, так оно и было. И, возможно, произошла трагедия на том месте, где засыпало снегом рабочих, или недалеко от него.

Теперь вернёмся к несчастным пассажирам. Паровоз с вагонами, битком набитыми людьми, немного отъехал назад и остановился напротив «водопада». Пассажиры толковали, что придётся здесь коротать время, пока не расчистят путь. Начали понемногу успокаиваться. Большинство людей разошлось по вагонам от-

дышать. Кто-то полез на сопки, а некоторые пошли на берег. Думаю, среди тех, кто остался на улице, были и герои рассказа «Как соединяются судьбы». Они познакомились и разговаривали, а в это время их семьи находились в вагонах. Полина пошла к поезду. Она вошла в тамбур своего второго вагона, открыла дверь и стала любоваться Ангарой, которая показалась ей в эти минуты особенно красивой. Молодая женщина с наслаждением вдыхала свежий, чистый ангарский воздух. Мысли её были «ясны, крылаты и полны». Ей не хотелось шевелиться, и было только одно желание, чтобы это удовольствие длилось как можно дольше. ...Вдруг раздались грохот, треск и скрежет. Она со страхом взглянула в сторону третьего вагона. «Он был уже в воде вверх последним купе, стон, крики раздались оттуда, — пишет Полина. — С ужасом кинулась я бежать по своему вагону, в котором никого уже не было. Выбежав из вагона, кинулась в стонущую толпу. Крик, возгласы матерей, обмороки женщин — всё смешалось. Произошёл второй обвал и свалил в Ангару 3, 4 и 5 вагоны вместе со всеми несчастными, кто находился в них. Паровоз с двумя вагонами оказался между двух обвалов, слева угрожающие сопки, справа суровая Ангара. Люди мечутся, забыв всё, лишь с единой мыслью спастись, остаться живыми, не быть раздавленными этой громадиной. Стихия так страшна, и так бессильны мы именно в этот момент. Ничто в эти минуты не могло меряться с нею: ни мольбы, ни стоны, ни высокие чувства. Каким жалким и беспомощным казался человек перед этой скалой. Какой гордой и сильной выглядела она теперь».

И здесь же стояли обезумевшие от горя Зоя и Чистов. Они с ужасом смотрели на воду, где только что на их глазах утонули самые близкие люди. Ангара, и без того быстрая и норовистая до строительства ГЭС река, пресытившись дождями, стала глубже и ещё стремительнее, и ей не составило труда поглотить вагоны с людьми...

Страшные минуты тянулись, но новых ударов стихии не было. Тем временем с двух сторон подошли аварийные поезда, по Ангаре приплыл катер, и ночью людей вывезли в безопасные места. Но уснуть в эту ночь никому не удалось, слишком велико было потрясение. «Каждый камешек, катящийся с горы, принимался за обвал и наводил вновь ужас на людей», — пишет Полина. А утром на другой берег перевезли всех спасённых, среди которых даже компания Полины, ехавшая во втором (уцелевшем) вагоне, не досчиталась нескольких человек. В других вагонах жертв было намного больше.

Столовая в посёлке, куда привезли пострадавших, была хорошей, но завтракали немногие. Полина говорит об этом так: «Вот высокий командир, уставившись взглядом в окно, сидит неподвижно. Глаза воспалены, в крупных чертах его лица чувствуется большая воля, мужество перенести потерю (погибли жена с черноглазым сыном). Девочка, не прерываясь, твердит плачущим голоском: «Мама!!!» Ни уговоры, ни конфеты пассажиров, ничто не может отвлечь эту крошку от её мамы, которую больше она не увидит».

По иронии судьбы, в этот день проводились выборы в первый Верховный Совет РСФСР. К столовой подошли подводы, и те пассажиры, у кого уцелели документы, поехали по размытым ливнями дорогам голосовать за местного большевика младшего командира Сергеева...

Тем временем на месте происшествия расчищали путь экскаваторы, а водолазы вытаскивали из вагонов погибших. Спасённых доставили в Иркутск, на вокзал, где их ждал поезд со всеми удобствами. Но продолжить путь они смогли только

через три дня, когда закончилась опись и выдача вещей, доставленных на двух уцелевших вагонах.

На место происшествия прибыл сам нарком путей сообщения Л.М. Каганович, прозванный «железным Лазарем». «Стрелочников» нашли немало, и их, «вредителей» и «террористов», увезли в застенки. Таким образом, число жертв, связанных с трагедией, увеличилось.

Вот пока и вся история с поездом. Для одних крушение стала большим потрясением, но закончилась счастливо. Другим, потерявшим близких, она расколола жизнь надвое, и они пытались примириться с действительностью и как-то жить дальше. А для третьих (их большинство!), в том числе для черноглазого мальчика и его мамы, она стала последней жизненной страницей.

Очень хочется знать, как сложилась жизнь тех, кому удалось тогда выжить, особенно трёхлетней девочки, потерявшей маму. Хочется знать, не встречались ли в поезде героини рассказа Анны и героини дневника Полины. Ведь Зоя, как пишет Анна Клабуновская, обладала красивым голосом и любила петь. Любили петь и в большой компании Полины, и ехали её попутчики с музыкальными инструментами. Не один ли человек Чистов и мужчина, потерявший жену и черноглазого сына, о котором упоминает в дневнике Полина? Но узнать это вряд ли удастся... А вдруг?! Ведь в наш век компьютерных технологий происходит парадокс: мы стали более разобщены, и в то же время более тесно связаны друг с другом, а значит, мы и к прошлому стали ближе, ведь о своей жизни писали многие, и помощь в нашей работе о прошлом может прийти от незнакомых людей, живущих в разных местах земного шара. Прийти, откуда не ждёшь, тем более в интернете люди легко знакомятся, откликаются, помогают друг другу установить истину. И благодаря незнакомым людям появляется возможность найти старые записи, так необходимые кому-то для работы. Возможно, даже те, кто смотрит только в будущее, однажды будут читать старые дневники с большим волнением... Надеюсь, что рассказ о поезде 41 «Владивосток — Москва» ещё будет иметь продолжение...

Самое начало июня. В это время на Байкале ещё весна. Вовсю цветёт черёмуха. Листочки на деревьях распустились недавно, трава совсем молодая. Горы нежно-зеленые. День выдался погожий: солнце, белые облачка, лёгкий ветерок. Отплываем в сторону Иркутска на моторной лодке с местным жителем Ринатом Шафигуллиным, который согласился показать мне левый почти недоступный берег. Конечная цель — Подорвиха, в процессе работы над очерком ставшая мне дорогой, и я очень хочу посмотреть на место, где она была. Конечно, хочется увидеть и более далёкие места, но Рината об этом не прошу, знаю, что у него всегда много дел. И вот лодка понеслась от истока по направлению к Иркутску. Слева бежит дорожка, по которой я шла осенью. Мчится лодка, расступаются зелёные горы, уходящие в холодные ангарские воды. В некоторых местах у берега вода кажется то изумрудной, то малахитовой. Успеваю фотографировать восхитительные пейзажи, хотя на ногах на большой скорости устоять трудно. Часто встречаются птицы, здесь им живётся относительно спокойно. Только катера да лодки рыбаков временами пугают их. Птицы боятся лодки и спешно взлетают. Больше всего попадает бакланов. Одну гору они заселили почти полностью, что было видно по голым деревьям и множеству взлетающих птиц. Ринат любит рыбалку и не любит бакланов из-за их прожорливости, очень уж много они съедают рыбы.

Ринат приехал в наши места из Казани по распределению, выбирал между Ленинградом и Портом Байкал. И, к удивлению, выбрал Байкал. И ни разу не по-

жалел. Человек увлечённый, он много бывает в лесах, путешествует по Байкалу и Ангаре. Он знает наши места лучше многих коренных жителей. У него золотые руки, он делает чудесные вещи из природного материала, смолоду фотографирует, многие его снимки уже стали историческими.

Рината тоже интересуется затопленная земля Ангары и железная дорога. Несколько раз, когда мы подплывали к берегу, он показывал мне части сооружений железной дороги, еле видимые под водой, которые он обнаружил давно. Я пыталась их разглядеть на глубине, всматриваясь до боли в глазах в мутноватую воду. Казалось, и горы вместе со мной всматриваются в воду, пытаясь увидеть в ней то, что им было так хорошо знакомо, так близко.

Малолетка, Гробица, Разбойничья, Подорвиха... Названия, полные непостижимой тайны. Кто и когда дал здешним местам такие интересные и, в основном, беспокойные имена? По-видимому, не узнать. Ушли люди, знавшие, почему так необычно называли эти места. Сначала я думала, что топонимы связаны с Гражданской войной, но нашла в интернете архивный материал, где они упоминаются уже в 1895 году. Известно, что тут издавна были разбойники, так как мимо этих мест проходил путь в Китай. Может быть, названия связаны с ними?

Всё дальше станция Байкал. Всё ближе мыс, скрывающий от глаз Подорвиху.

Вспоминаю, как выглядит Подорвиха на спутниковой карте. Тупым рассечённым клином, вдающимся в Ангару, проглядывает сквозь толщу воды низменное место, на котором стояла деревенька. Хорошо просматривается прямая линия железной дороги. Недалеко от бывшей деревни еле видны под водой два острова, когда-то соседствовавшие в подлунном мире и наверняка бывшие живописными. Видна и небольшая речка Аланка, змеистой лентой спускающаяся с гор и сливающаяся с ангарской водою. Как-то прочитала о том, что речки на Ангаре раньше были намного больше, а потом, когда не стало возле них леса, они почти засохли, стали ручьями.

Вот мыс остаётся позади. Обогнув его, плывём к берегу. Замирает сердце. Знаю, что здесь была деревня, хотя ничто не напоминает о том, что тут когда-то стояли дома, жили люди. Только длинные тонкие водоросли, тянущиеся нитями из мутной глубины, казалось, ещё пытаются связать когда-то видевшую солнце землю с надводным миром. А у самого берега одиноким тёмным холмиком выглядывает из воды крохотный островок Надежды.

Пока мы подплывали к берегу, небо затянулось, вода потускнела, стала серой, всё вокруг словно подёрнулось печалью. Сердце защемило. Горько знать, что ты

плывёшь по воде, под которой стояли дома, жили люди. На дне, затянутом водорослями, покоится прошлое деревни, её история.

Издrevле было принято селиться у воды, ведь реки, озёра, моря давали человеку жизнь. А теперь многим приходится от воды бежать. Жители Ангарских деревень и зимок не думали, не гадали, что их родных мест не станет. И до конца в это не верили. Но затопление произошло. От «большого праздника

Место, где стояла Подорвиха.

для советской энергетики» у одних людей захватывало дух, а другие с сердечной болью покидали родные места, покидали навсегда, сохранив их в памяти. А потом им оставалось разве что проехать мимо своих мест или посмотреть на них с другого берега, а в лучшем случае проплыть над своей землёй, с болью в сердце всматриваясь в мутные воды глубокого водохранилища, желая увидеть родные места, исхоженные вдоль и поперёк, места, где прошли их детство и юность, с которыми так много связано и которые продолжают жить в душе.

Понять страдания людей, чьей родиной были затопленные земли, могут только те, кто через это прошёл сам. Но всем понятно, что у каждого человека должна быть родина, куда он всегда может вернуться или, ещё лучше, где может прожить всю жизнь. И лечь в родную землю, освещаемую солнцем, а не под водой, не опасаясь, что бурные воды вынесут на позор его кости.

К сожалению, всё меньше остаётся людей, кто помнит и жалеет уничтоженные от Иркутска до Байкала земли. Поднявшаяся вода принесла им забвение. Пройдёт время, и о них, возможно, не будет помнить никто, чего быть не должно. К великому огорчению, о них написано мало. Я пыталась найти снимки затопленных деревень, но, кроме Тальцов, пока ничего не нашла. Может быть, ещё повезёт. Выходит, земли не только принесли в жертву, но и сделали всё, чтобы о них забыли, чтобы потомки думали, что Иркутское водохранилище было всегда. Нельзя, чтобы это произошло. Должны остаться в памяти людской деревни и селения, прошедшие со страной самые сложные за всю историю испытания, давшие миру замечательных сыновей и дочерей. История этих земель — часть истории Иркутской области, часть истории нашей страны.